

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья
УДК 81'374.3
doi: 10.17223/22274200/33/3

«Медиасловарь ключевых слов текущего момента» как лексикографический источник нового типа

Екатерина Александровна Щеглова¹,
Наталья Анатольевна Прокофьева²

^{1, 2} *Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

¹ *e.scheglova@spbu.ru*

² *n.prokofieva@spbu.ru*

Аннотация. Даётся теоретическое обоснование существования нового формата словаря – узуального. Предпосылками появления идеи «Медиа-словаря ключевых слов текущего момента» является существенное изменение языковой действительности. Подробный обзор литературы о теории и практике лексикографии и описание методики создания словарной статьи сопровождается разбором отдельно взятой словарной статьи проекта «Медиасловарь ключевых слов текущего момента» как реализации выдвинутых теоретических положений.

Ключевые слова: лексикография, узуальный словарь, лексикографический проект, «Медиасловарь ключевых слов текущего момента», словарная статья, ключевое слово текущего момента, лексическая единица, дефиниция, метаязык словаря

Для цитирования: Щеглова Е.А., Прокофьева Н.А. «Медиасловарь ключевых слов текущего момента» как лексикографический источник нового типа // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 52–70. doi: 10.17223/22274200/33/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/33/3

“Media Dictionary of Current Key Words” as a new type of lexicographic source

Ekaterina A. Shcheglova¹, Natalia A. Prokofieva²

^{1, 2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ e.scheglova@spbu.ru

² n.prokofieva@spbu.ru

Abstract. The article states the necessity of existence for a new format of dictionaries – a usage one. Such a necessity is explained with sufficient changes in language reality where the contemporary language functions and is formed. The prerequisites for appearance of this idea are, firstly, a long-existing need to create the so-called topical dictionaries which would reflect the speech, not the language; secondly, the change of prior resource for the language transformation: the main source of renewal and supply for the language system is media discourse nowadays; thirdly, the increase of information flow and, as a consequence, the speed of emergence of word which are called current key words; fourthly, the appearance of a technological foundation which is able to create and support such a dictionary. The authors incorporate their project – Media Dictionary of Current Key Words – into the history of existence and development of the Russian lexicographic system. They also prove that this work absolutely corresponds to the traditions of the Russian lexicographic thought because the Media Dictionary is based on the basic achievements of the lexicographic science, with new functions which appeared due to the technical progress and the renewal of the technological foundation: electronic storage of information, immediate input of information about new connotations, feedback from the scientific and professional community and so on. The detailed review of literature and the description of methods for creating the dictionary entry in the dictionary of a new type are accompanied with practically focused explanations of single key word representations within a dictionary entry in the Media Dictionary of Current Key Words project as a practice for corresponding theoretical statements. The article presents the structure of the dictionary entry, analyzes the supporting data presenting the word’s definition. Special attention is paid to the innovations connected with the development of dictionary entry metalanguage: representations of phatic overtones within the lexical meaning of the word as well as a cultural and historical note which transforms an edition linguistic in its nature into a culturally and socially significant project. The conclusion is made about the relevance of the usage lexicographic project, as well as about the unique features of the presentation of the linguistic description of current key words as part of a mental map of modernity.

Keywords: lexicography, usage dictionary, lexicographic project, Media Dictionary, dictionary entry, current key word, lexical unit, definition, dictionary metalanguage

For citation: Shcheglova, E.A. & Prokofeva, N.A. (2024) “Media Dictionary of Current Key Words” as a new type of lexicographic source. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 33. pp. 52–70. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/33/3

Постановка проблемы

Составитель современного словаря решает две задачи: уловить актуальное для текущего момента слово (демонстрация синхронического среза языка) и фиксировать малейшие изменения в его значении в реальном времени (демонстрация актуального семантического содержания слова). По сути, речь идёт о необходимости создания и поддержания лексикографического проекта, ориентированного на узус, актуальную языковую картину современника. Нельзя упускать из виду ещё один значимый момент: принципиально меняется источник пополнения и обновления лексики. Преобразование и обновление языка в настоящее время осуществляется в медиатексте, и естественным образом материал для словарных иллюстраций всё чаще берётся из этого источника.

Всё это обуславливает необходимость существования «Медиясловаря ключевых слов текущего момента» как своеобразного ответа на вызовы современности и решение перечисленных вопросов [1]. Под «ключевыми» в данном исследовании подразумеваются языковые единицы, вызванные к жизни серьёзными политическими или социальными потрясениями в отдельно взятом национальном сообществе или в мире в целом [2]. Это специфические слова эпохи, обогащённые множеством коннотативных смыслов, уникальных для текущего момента и, как правило, неактуальных для иных исторических периодов. Без полного понимания всех возможных смысловых нюансов, которые подобные лексические единицы привлекают в контекст, невозможно полноценное прочтение текстов соответствующей эпохи.

Цель статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать словарь нового типа – «Медиясловарь ключевых слов текущего момента». В нём описываются лексические единицы, появляющиеся в медиадискурсе (отсюда формант *медиа-* в названии) и характеризующие текущий момент – временной срез внеязыковой действительности, ограниченный

рамками зарождения, развития и разрешения какой-либо общественно значимой ситуации (пандемия новой коронавирусной инфекции, специальная военная операция, присоединение Крыма и проч.).

Теоретический базис

В современной теории лексикографии остро стоит вопрос дифференциации словарей и разработки их типологии [3. С. 8; 4. С. 342]. Это связано в том числе с количеством издаваемых словарей и их чрезвычайным разнообразием. При этом все специалисты в области лексикографии говорят о сомнительном качестве значительной части этой словарной продукции (М.А. Кронгауз характеризует ситуацию как «лексикографический невроз» [5. С. 163–177]). Однако вопрос о качестве издаваемых словарей нисколько не снимает другой вопрос: какие типы словарей можно выделить и в какой степени актуальна информация, которую они предоставляют для пользователя. В.А. Козырев и В.Д. Черняк справедливо замечают: «Лексикография из сугубо академической сферы в последние десятилетия превратилась в сферу социально мобильную, быстро отвечающую на запросы общества» [3. С. 8]. Отсюда сосуществование в новых словарных изданиях собственно лингвистической информации и сведений смежных направлений – культурологии [6], социологии и политологии [7].

На эти процессы накладывает отпечаток и цифровая среда. Именно в сети массовая аудитория ищет быстрый ответ на свой запрос. В настоящее время активно идёт оцифровка уже существующих и издаваемых словарей. Но всё чаще и отчётливее в теории и практике словарного дела звучит мысль о существовании и необходимости дальнейшего развития собственно цифровых словарей, изначально ориентированных на возможности мировой сети [8; 9]. Иные принципы и условия существования таких словарей должны изменить в той или иной степени и сами способы представления лингвистической информации.

Помещение словарей в цифровую среду делает их более доступными для пользователя. Это позволяет быстрее находить необходимую информацию. Авторы словаря должны чётко представлять себе, кому он предназначен. Именно представление об адресате во многом формирует дифференциальные признаки каждого конкретного словаря [10]. Ситуация, когда, по мысли В.В. Морковкина, «человек, для

которого создается словарь, отступает в густую тень, а то и вовсе забывается лексикографом» [11. С. 142], всё меньше отвечает запросам времени. Таким образом, вопрос, достаточно давно сформулированный в теории лексикографии (противопоставление словарей, ориентированных на языковую систему и ориентированных на человека [12; 13]), стоит в настоящее время в лексикографической практике как никогда остро.

Очевидно, что с ориентацией словаря на адресата меняется и сам подход к лексикографическому объекту. А. Реем и С. Делесалем была сформулирована идея словаря активного типа, согласно которой «словарь начинает жить с того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их действию» [14. С. 263]. При всех сложностях воплощения этой идеи (какого рода, в каком объёме и как именно должна быть представлена информация) в ней есть рациональное зерно и актуальность звучания для создателей словарей. Об этом свидетельствует, например, обращение к проблеме активного словаря в её теоретическом и практическом аспектах в трудах современных исследователей [15].

Когда слово в словаре перестаёт быть зафиксированной статической единицей лексической системы, становится актуален вопрос о статусе самой системы – степени её упорядоченности. В русистике сформировано два подхода к этой проблеме. Первый был сформулирован и доказан Ю.Н. Карауловым в русле концепции семантической непрерывности [16]. Второй подход принадлежит П.Н. Денисову, который, признавая общую упорядоченность лексической системы, допускал наличие внесистемных элементов [17]. Представляется, как такового противоречия в существовании этих двух теорий нет, а разногласие возникает из-за разной степени приближения к объекту анализа. При более абстрактном подходе лексическая система может приобретать вид монолита, при обращении к конкретному материалу – системы систем [4. С. 580], т.е. мы имеем дело с описанием лексического материала как бы извне и изнутри. Это имеет значение при формировании концепции словаря, определении объекта лексикографического описания.

При ориентации на прагматико-коммуникативное описание слова в словаре целесообразен второй подход. Сегодня уже нет необходимости говорить о том, что идея выводимости значения слова на основе группировки и анализа контекстов употребления справедлива. Она

была сформулирована Л.В. Щербой и продолжена в трудах В.В. Виноградова, Д.Н. Шмелёва, В.Г. Гака, А.А. Уфимцевой и др. В самом характере выбора контекстов для анализа есть уже некоторая основа для формирования дифференциальных признаков конкретного словаря. Н.Ю. Шведова предложила разделить контексты на три типа: 1) служащие для определения значения слова, демонстрирующие межклассовые связи, семантические связи внутри класса, возможности синонимических замен; 2) синтагматические, показывающие возможности сочетаемости разного типа; 3) «обстановочные», служащие для детализации элементов толкования [18]. Последние, с нашей точки зрения, наиболее интересны для словаря активного типа, поскольку используются в тех случаях, когда значение слова чувствительно к экстралингвистическим ситуациям.

Нужно сказать, что сама идея необходимости описания прагматического значения слова, часто в его динамическом аспекте, обсуждается в современных исследованиях [19], предпринималась попытка создания базы данных прагматически маркированной лексики русского языка [20]. Однако в аспекте лексикографической разработки ключевых слов текущего момента более актуальным представляется анализ и демонстрация в словарной статье коннотаций и фатических смыслов лексемы, что обусловлено прежде всего характером медийного дискурса с его множественным повторением ключевого слова, связанного с тем или иным значимым событием. В этих обстоятельствах слово не может быть статично, оно погружено в изменчивую среду дискурса, движется вместе с ним и само порождает движение смыслов внутри дискурса.

Конечно, в этом случае мы не можем говорить о фиксации нормы, речь идёт о демонстрации узуса. «Медиасловарь ключевых слов текущего момента» – словарь не нормативный, а узуальный. Он создаётся для того, чтобы сориентировать адресата в бесконечно меняющейся картине современности. В этом отношении он выполняет основное предназначение словаря, сформулированное В.Г. Гаком: «...словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива» [21. С. 12], однако несколько в ином ключе, чем это обычно предполагается. Часто ключевое слово, мгновенно обрастая коннотативными смыслами и будучи востребовано в медиапространстве как прецедентный феномен, перестаёт быть понятно носителю языка во всей многогранности своей семанти-

ки, то же происходит и с потерей актуальности события, которое его породило. В этом отношении «Медiasловарь» может стать своеобразной картой актуальной языковой картины мира носителя языка.

Последнее ведёт ещё к одному значимому для нас теоретическому положению. О.И. Блинова сформулировала идею о том, что лексикография сама по себе является методом изучения лексики [22], эта идея получила развитие в трудах Н.Д. Голева [23]. Представляется, что эта мысль приобретает особое значение при стечении следующих обстоятельств, сопутствовавших созданию «Медiasловаря ключевых слов текущего момента»: 1) объект словаря (ключевое слово текущего момента) сам по себе нов, и до этого не только не подвергался лингвистической параметризации, но и не имел сложившейся теории, его описывающей; 2) медиадискурс в своей изменчивости и непрерывности подлежит пристальному лингвистическому осмыслению, в том числе с точки зрения его «словесной композиции» (термин В.В. Виноградова); 3) появление ключевых слов непредсказуемо, как непредсказуема сама жизнь и актуальная повестка дня, отражённая в медиaprостранстве, а значит, под действием совокупности разнообразных экстралингвистических факторов могут меняться и лингвистические свойства ключевых слов.

Таким образом, в рамках данной статьи мы хотим описать «Медiasловарь ключевых слов текущего момента», который изначально задуман как полифункциональный проект, выполняющий методологические (разработка метода анализа актуальной лексики в медиaprостранстве), методические (использование в обучении студентов разных направлений), прагматические (ориентация профессионального сообщества и широкой аудитории в современном словоупотреблении) и другие задачи. Это словарь активного типа, каким он представляется в настоящее время в теории лексикографии. Его задача не просто дать лингвистические характеристики лексической единицы, но показать функционирование слова в речевой стихии, а следовательно, учесть совокупность прагматических и коммуникативных характеристик в соотнесении с культурно-историческими аспектами значения слова.

Характеристики «Медiasловаря ключевых слов текущего момента» как лексикографического издания нового типа

В настоящее время «Медiasловарь ключевых слов текущего момента» – развивающийся лексикографический проект, который суще-

стует уже четыре года. За это время сложилось представление о структуре словарной статьи, а также система словарных помет; словарь сегодня насчитывает около шестидесяти единиц.

Ключевые слова текущего момента – это живой и чрезвычайно подвижный лексический материал, тяжело поддающийся лингвистической параметризации. В то же время она необходима различным группам адресатов:

1. Обучающимся – как возможность проникнуть в природу создания текста, почувствовать биение жизни в слове.
2. Профессиональному сообществу – как обращение к квалифицированному лексикографическому источнику.
3. Научному сообществу – как средство отследить активные процессы в современной лексической системе русского языка (сейчас перед лингвистами поставлена государственная задача составления нормативных словарей, однако выработка нормы невозможна без обращения к узусу, узуальный словарь в этом отношении может стать вспомогательным средством верификации нормы).
4. Широкой общественности – как возможность проверить собственное понимание актуальной лексики (отметим, что вопрос о популяризации русского языка стоит как никогда остро).

Структура словарной статьи

Структура словарной статьи «Медиясловаря» отчасти повторяет привычную структуру толкового словаря, отчасти включает дополнительные области лексикографического описания, обусловленные характером объекта и материала. Остановимся на тех областях словарной статьи, которые составляют её специфику.

1. **Толкование.** С одной стороны, толкование значения слова формулируется по законам толковой лексикографии (в основном это описательная дефиниция). Однако, с другой стороны, подвижность лексического материала заставляет подчас фиксировать не только полностью сформированное лексическое значение, но и его оттенки или коннотации. В этом состоит отличие узуального словаря от нормативного.

2. **Иллюстрации.** Как уже было сказано, цифровой формат существования словаря позволяет расширить границы представления иллюстративного материала. Для того чтобы продемонстрировать осо-

бенности словоупотребления, мы отбираем большое количество текстового материала, способного продемонстрировать динамику семантизации слова (см. раздел «Анализ представления слова в словаре» ниже). Поскольку ключевые слова текущего момента тесно связаны с развёртыванием событийности, весь иллюстративный материал даётся в хронологическом порядке, с точным указанием даты публикации и источника. Большое значение имеет отбор источников. Важно показать появление новых смыслов и их закрепление в медиапространстве, поэтому в качестве материала мы привлекаем не только собственно журналистские тексты, но и социальные сети, рекламу, где часто происходит окончательная кристаллизация обновлённой семантики.

3. Фатические обертоны – это специфическая зона словарной статьи, которая не представлена в других словарях. В своей способности становиться метонимической заменой целого события ключевые слова текущего момента очень быстро обретают прецедентность. В словоупотреблении в этом случае можно увидеть всевозможные формы существования прецедентного феномена, включая семиотический [24]. Эта мгновенная узнаваемость слова или словосочетания (*коронавирус, самоизоляция, санкции, импортозамещение, традиционные ценности, русский мир* и т.д.) заставляет обращаться к нему снова и снова. В связи с множественностью контекстов употребления слова появляются фатические обертоны. Для обозначения этой зоны в метаязык словаря был введён специальный знак – скрипичный ключ, являющийся символическим воплощением изначальной метафоры, лежащей в основе термина.

4. Культурно-историческая справка – ещё одна зона, определяющая специфику словаря и позволяющая характеризовать его как словарь активного типа. Эта часть статьи выводит нас за пределы собственно лингвистической информации о слове и делает проект междисциплинарным. Каждое ключевое слово появляется вместе с событием, переживает пик употреблений вместе с пиком новостной волны в медиадискурсе и угасает вместе с утратой интереса к нему. Культурно-исторические справки собраны в таймлайне на главной странице сайта, где каждое слово получает привязку к конкретному году. В культурно-исторической справке в конце словарной статьи даётся краткое описание цикла существования ключевого слова в его привязке к конкретному событию.

5. Связанные ключевые слова, входящие в одно лексико-семантическое поле с заглавной единицей. Специальным знаком в словаре является знак бесконечности, который отделяет зону, в которой демонстрируются связи лексической единицы с другими ключевыми словами. Ключевое слово текущего момента не существует автономно, вне системы синтагматических и парадигматических связей, формирующихся в медиадискурсе с огромной скоростью и отличающихся от существующих в языке системных связей. Значимость каждого из ключевых слов текущего момента для языковой картины позволяет говорить о выстраивании своеобразной ментальной карты, которая ориентирует человека в плотном информационном потоке.

Представление слова в словаре

Обратимся к слову *санкции* [25], которое сохраняет свой ключевой статус вот уже на протяжении десяти лет и определяет информационную повестку дня в России и в мире.

Начало статьи представляется вполне традиционным для толковых словарей: заголовочное слово сопровождается фонетическими пометами только в том случае, если его правильное звуковое оформление может вызывать сложности (как в слове *хлопок*, когда значение зависит от ударения, которым слово сопровождается).

Нетрадиционным является обозначение авторства статьи. Это связано, во-первых, с вовлечением студенческой аудитории в проект, во-вторых, это своеобразный символ некоторого отступления от традиций толковых словарей в сторону культурологических и энциклопедических изданий.

Вслед за заголовочным словом вводится первая дефиниция: *‘наказание, меры воздействия на нарушителя в какой-л. сфере, подразумевающие неблагоприятные последствия для него’* [25]. Это основное лексическое значение слова, к которому привык носитель языка безотносительно к политической обстановке. Дефиниция составляется на основе определений, данных в академических изданиях словарей, или же формулировок, представленных в законодательной базе. Это объясняется тем, что многие ключевые слова вызваны к жизни политическими потрясениями и напрямую связаны с действующим законодательством Российской Федерации.

Определение слова сопровождается несколькими иллюстрациями: *В понедельник главы МИД стран Евросоюза решили ввести санкции в отношении российских и украинских официальных лиц, которых они считают виновными в «подрыве территориальной целостности Украины», в том числе им запретят въезд в ЕС, а их активы в Евросоюзе заморозят* (РИА Новости. 18.03.2014) [25]. Здесь слово семантизируется за счёт включения в контекст лексемы семантического поля «вина»: за виной следует наказание. Вторая иллюстрация аналогична: *Наказание по статье 7.13 КоАП РФ для юридических лиц – штраф от 200 тыс. до 5 млн рублей, судья вдвое снизил минимальный размер санкций и оштрафовала мэрию на 100 тыс. рублей* (РБК, 14.12.2020) [25]. В данном примере слово *санкции* встраивается в синонимический ряд к слову *наказание* и *штрафы*, что и позволяет предельно точно определить содержание понятия.

Обратим внимание на временной разрыв между примерами: иллюстрации подбираются из разных временных пластов, чтобы показать, что языковое значение слова стабильно востребовано в узусе и является доминантой словоупотребления.

Если первые две иллюстрации взяты из источников, представляющих собой традиционную журналистику, то третий пример выбирается из эмпирики, широко представленной в социальных сетях, где слово осмысливают уже не профессионалы речи, а носители языка, в обиходе которых слово точно так же востребовано. Здесь уже приводится пример поликодового текста, в котором значительную роль играет визуальная компонента: на фотографии (рис. 1) изображён момент из популярного телевизионного шоу «Голос», когда один из наставников нажимает на кнопку, чтобы закрепить за собой участника конкурса. Жест и само выражение лица персонажа агрессивны, соотносятся с восприятием удара. Речевая компонента совершенно абсурдна: *санкции против УралВагонЗавода*. Автор мема иронизирует над ситуацией в стране и мире, когда санкции применяются на каждом шагу, в употреблении слова значимо не столько само лексическое значение, сколько ассоциативные ряды, которые в связи с ним возникают. Подтекстовая информация существенно превышает фактуальную – в этом и кроется специфика фатической составляющей речи, поэтому пример сопровождается знаком скрипичного ключа, сигнализирующего о наличии обертонов смысла и краткой характеристикой, в каком направлении искать подтекстовые смыслы: контактоустановление (через ассо-

циативные ряды) и детерминологизация (слово *санкции* экстраполируется из области политики на иные, включая бытовую сферы).

Рис. 1. Поликодовый текст как пример употребления ключевого слова

Второе значение, приведённое в словарной статье, уже отсылает нас к текущему моменту: значение слова определяется контекстами, в которых чаще всего оно возникает, – и именно это предопределяет его актуальное, ключевое значение. Под влиянием подавляющего большинства контекстов в настоящее время слово *санкции* закрепляется за экономической сферой: *‘причины изменений в экономической сфере’*. К дефиниции подобраны наиболее репрезентативные иллюстрации: *Россия благодаря санкциям Запада получила хороший стимул для сокращения зависимости от импорта и в ряде областей экономики будет полностью обеспечивать потребности за свой счет, заявил премьер-министр РФ Дмитрий Медведев* (РИА Новости. 22.04.2014) [25]. В тексте явно прочитывается значение экономического давления и связи с другими ключевыми словами, увиденными в подтекст (*импортозамещение*, например). Важную роль играет датировка текстовых иллюстраций, так как она даёт возможность понять причины появления у слова новых коннотаций, которые формируются под влиянием информационной повестки дня и отражают мировоззрение современников, становясь частью языка поколения. Второй

пример вновь отсылает читателя к экономической сфере, выявляя межгосударственные связи и взаимозависимость: *Между Кипром и Россией очень сильные экономические связи, таким образом, санкции против России могут уничтожить экономику Кипра, заявил министр иностранных дел Кипра Иоаннис Касулидис* (РИА Новости. 16.04.2014) [25]. Слово *санкции* становится частью тематического поля «экономическое давление», подтверждая актуальное значение, которое развивается начиная с февраля 2014 г. и становится частью общественного сознания с весны того же года.

Естественно, такое яркое явление экономической жизни страны не могло остаться неотрефлексированным в социальных сетях, поэтому примеры реализации фатических обертонов также присутствуют в статье в виде апелляции к фоновым знаниям (*Ну, за санкции!* – апелляция к фильмам «Особенности национальной рыбалки» и «Особенности национальной охоты», в которых показаны типичные черты русского менталитета, в частности умение находить положительные стороны в самом беспросветном положении) и иронии (*Санкции не смогут уничтожить экономику. Если у тебя её и так не было – отражена типичная черта русского человека – смеяться над собственной нецивилизованностью*).

Третье же значение, собственно, и является ключевым. В настоящее время слово *санкции* сужает своё значение до экономического воздействия на субъект мировой политики, это отмечено в дефиниции: *‘инструмент давления и манипулирования во внешней политике’*. То есть слово *санкции* прочно закрепляется за этой сферой функционирования языка, так что вне контекста в ином значении (обобщённом значении наказания) массовая аудитория это слово не воспринимает. Вне контекста слово *санкции* воспринимается исключительно как инструмент внешней политики воздействия на неудобное государство со стороны другого (или других). Здесь приведено существенно больше словарных иллюстраций по сравнению с первыми дефинициями, поскольку возникает задача собственно узуального словаря – показать динамику развития значения слова: *Санкции превратились в средство манипуляции, заявил Путин* (РИА Новости. 09.04.2019); *Эксперты считают, что США, угрожая санкциями, пытаются поколебать решимость РФ отстаивать свои требования по гарантиям безопасности* (RT на русском. 01.02.2022) [25]. Значимость иллюстративного материала определяется его способностью

показать основные этапы жизненного цикла слова. От значения экономического воздействия к способу манипуляции и принуждения иного государства к желательным действиям во внешней политике. Сами примеры позволяют подтвердить востребованность репрезентируемого слова в узусе в указанном значении.

Ключевое слово неизбежно вызывает к жизни волну словообразования и формирования новых парадигматических и синтагматических связей, этим объясняется возникновение в языке узуальных сочетаний с новым для слова значением. В «Медиасловаре...» при наличии таких указываются устойчивые обороты, опорным для которых является анализируемое ключевое слово: *Пакет санкций, волна санкций, шквал санкций, режим санкций, ввести санкции, ответ на санкции, зеркальные санкции*. Показательно в этом смысле закрепление устойчивых сочетаний в фольклоре, например, в анекдотах: *В магазине: – Так, что у нас тут сегодня? – Как обычно, санкции. Пакет брать будете?* (Анекдот, обращение к устойчивому сочетанию *пакет санкций*). Это подлинное свидетельство вхождения нового фразеологизма в узус и закрепления его в сознании носителя языка.

Завершением статьи становится культурно-историческая справка, в которой указываются основные этапы жизненного цикла слова:

*Слово **санкции** как ключевое становится востребовано в русском языковом узусе начиная с 2014 года в связи с введением США ограничений в отношении России в связи с присоединением Крыма. С этого времени слово переживает несколько волн интереса, вызванных новыми ограничениями со стороны Запада. Введение санкций связано с событиями в разных сферах жизни: политике (отравление Скрипалей, Навального¹; специальная военная операция), спорте (допинговые скандалы разных лет), науке (научно-технические разработки российских институтов) [25].*

Этот раздел словарной статьи ориентирован в большей степени на массового читателя, мало знакомого с русским речевым узусом. Он позволяет вписать рассматриваемое слово в исторический контекст, понять причины его появления в языке и основания, по которым слово приобретает статус ключевого. Хотя это всего лишь пунктирное обозначение основных этапов приобретения словом дополнительных коннотаций, такого экскурса достаточно, чтобы сориентировать чита-

¹ Внесен в список террористов и экстремистов.

теля в социальном контексте, который определил наличие коммуникативного смысла у конкретной лексемы.

Финальной точкой в словарной статье является список слов и словосочетаний, тематически связанных с заголовочным словом: *крымнаш, импортозамещение, (евро)майдан, допинг, «Новичок», шпиль, берлинский пациент, специальная военная операция*. Этот фрагмент статьи позволяет сориентироваться в национальных приоритетах и окончательно задаёт систему координат, в которых следует рассматривать слово. Даже по единицам, включённым в раздел «связанные слова», можно судить о причинах возникновения у слова ключевого статуса (*крымнаш, евромайдан, допинг*), а затем уточнения дефиниции (*шпиль, берлинский пациент, специальная военная операция*) и появления в речевом обиходе слов, вызванных к жизни вновь состоявшимся как ключевое словом (*импортозамещение*).

Заключение

Идея «Медиясловаря ключевых слов текущего момента» основана на нескольких принципиальных убеждениях:

1. Цифровая эпоха диктует новые условия существования лексикографических проектов.
2. В настоящее время словарь не может существовать без тщательной проработки запроса адресата, не учитывать его потребности.
3. В словарных изданиях могут (а иногда должны) быть совмещены сведения из различных областей знания в зависимости от выбранного объекта описания и запроса адресата.
4. Реализация лексикографического проекта может быть направлена на решение целого комплекса задач: так, «Медиясловарь» – это инструмент обучения, средство популяризации знаний о языке, методологический инструмент изучения ключевых слов текущего момента и др.

Отличительные особенности «Медиясловаря ключевых слов» вызваны спецификой объекта описания. Ключевая лексика – порождение речевой практики, чрезвычайно живой и подвижный лексический материал. Построение метаязыка словаря осуществляется не вокруг идеи нормативности, а вокруг концепции узуальности. Именно в таком виде словарь способен удовлетворить основной запрос адресата в лингвистической информации об актуальной лексике: понять основные характеристики её употребления. Фрагменты этой ментальной

карты восстанавливаются через систему гиперссылок в словаре. Поскольку ключевые лексические единицы тесно сопряжены с действительностью, лингвистическая информация в словаре дополняется культурно-исторической.

Список источников

1. *Медиасловарь* ключевых слов текущего момента / ред. Н.А. Прокофьева, Е.А. Щеглова. URL: <https://dataslov.ru/> (дата обращения: 30.01.2024).
2. Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Ключевые слова текущего момента: проекции и отражения // *Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов*. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2022. С. 208–217.
3. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // *Вопросы лексикографии*. 2014. № 1 (5). С. 5–15.
4. *История русской лексикографии* / ред. Ф.П. Сороколетов. СПб. : Наука, 2001. 610 с.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Знак: Языки славянских культур, 2007. 232 с.
6. Хайруллина Р.Х., Воробьев В.В., Фаткуллина Ф.Г. Современные тенденции в лексикографии: лингвокультурологический словарь // *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 4 (83). С. 441–443.
7. Сковородников А.П., Копнина Г.А. О концепции «Словаря современных политических ярлыков» // *Вопросы лексикографии*. 2021. № 20. С. 105–118.
8. Крылова М.Н. Современные тенденции развития русской лексикографии // *Казанский лингвистический журнал*. 2022. № 5 (2). С. 166–179.
9. Рябцева Н.К. Современная лексикография, дополненная лингвистическая реальность и проблемы терминографии // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков*. 2022. № 1 (16). С. 75–110.
10. Бытева Т.И. К уточнению некоторых лексикографических понятий // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11, вып. 9. С. 13–17.
11. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) М. : Ин-т рус. яз. им. Виноградова, 1997. 414 с.
12. Караулов Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // *Советская лексикография*. М. : Русский язык, 1988. С. 5–18.
13. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*. М. : Наука, 1988. С. 131–136.
14. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии / пер. с фр. И.Ю. Доброхотовой // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. М. : Прогресс, 1983. С. 261–301.
15. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Универсальный и активный словарь: развитие лексикографической традиции или возвращение к истокам // *Science for Education Today*. 2016. № 2 (30). С. 7–23.

16. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 354 с.
17. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. М. : Русский язык, 1980. 253 с.
18. Шведова Н.Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: текст как целое и компоненты текста. М. : Языки славянских культур, 1982. С. 382–391.
19. Ланно М.А. Структура прагматического макрокомпонента значения (на материале группы слов, обозначающих национальность) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (43). С. 186–200.
20. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования // Science for Education Today. 2016. № 6 (34). С. 70–85.
21. Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М. : Русский язык, 1977. С. 11–27.
22. Блинова О.И. Теория → словарь → теория → словарь // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.
23. Голев Н.Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О.И. Блиновой // Вопросы лексикографии. 2021. № 21. С. 5–32.
24. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 261 с.
25. Санкции // Медиясловарь ключевых слов текущего момента / ред. Н.А. Прокофьева, Е.А. Щеглова. URL: <https://dataslov.ru/word/sankczii/> (дата обращения: 30.01.2024).

References

1. Prokof'eva, N.A. & Shcheglova, E.A. (eds) (2024) *Mediaslovar' klyuchevykh slov tekushchego momenta* [Media dictionary of current key words]. [Online] Available from: <https://dataslov.ru/> (access date: 30.01.2024).
2. Prokof'eva, N.A. & Shcheglova, E.A. (2022) Klyuchevye slova tekushhego momenta: proektsii i otrazheniya [Current key words: projections and reflections]. In: *Yazyk – tekst – diskurs: diskursivnoe izmerenie yazykovykh protsessov* [Language – text – discourse: discursive measurement of language processes]. Samara: Samara Humanitarian Academy. pp. 208–217.
3. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2014) Modern orientations of domestic lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (5). pp. 5–15. (In Russian).
4. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2001) *Istoriya russkoy leksikografii* [History of Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka.
5. Krongauz M.A. (2007) *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Znaki: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
6. Khayrullina, R.Kh., Vorob'ev, V.V. & Fatkulina, F.G. (2020) Modern trends in lexicography: linguocultural dictionary. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of science, culture, education*. 4 (83). pp. 441–443. (In Russian).

7. Skovorodnikov, A.P. & Kopnina, G.A. (2021) On the Conception of the Modern Political Labels Dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 20. pp. 105–118. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/20/6
8. Krylova, M.N. (2022) Modern trends in the development of Russian lexicography. *Kazanskij lingvisticheskiy zhurnal – Kazan Linguistic Journal*. 5 (2). pp. 166–179. (In Russian).
9. Ryabtseva, N.K. (2022) Modern lexicography, augmented linguistic reality and the problems of terminography. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov – Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages*. 1(16). pp. 75–110. (In Russian).
10. Byteva, T.I. (2012) To clarify some lexicographic concepts. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya – Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology*. 11 (9_). pp. 13–17. (In Russian).
11. Morkovkin, V.V. & Morkovkina, A.V. (1997) *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian agnonyms (words that we do not know)]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute. (In Russian).
12. Karaulov, Yu.N. (1988) *Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya russkoy leksikografii* [The current state and trends in the development of Russian lexicography]. In: *Sovetskaya leksikografiya* [Soviet lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk. pp. 5–18.
13. Morkovkin, V.V. (1988) Antropotsentricheskii versus lingvotsentricheskii podkhod k leksikografirovaniyu [Anthropocentric versus linguocentric approach to lexicographing]. In: *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of the language and its reflection in the normative dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 131–136.
14. Rey, A. & Delesalle, S. (1983) *Problemy i antinomii leksikografii* [Lexicographical problems and conflicts]. Translated from French by I.Yu. Dobrokhotova. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 14. Moscow: Progress. pp. 261–301.
15. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) Universal and active dictionary: development of the lexicographic tradition or return to the origins. *Science for Education Today*. 2 (30). pp. 7–23. (In Russian).
16. Karaulov, Yu.S. (1976) *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideology]. Moscow: Nauka.
17. Denisov, P.N. (1980) *Leksika russkogo yazyka i printsipy ee opisaniya* [Vocabulary of the Russian language and the principles of its description]. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Shvedova, N.Yu. (1982) Tipy kontekstov, konstruirovushchikh mnogoaspektnoe opisanie slova [Types of contexts that construct a multidimensional description of a word]. In: *Russkiy yazyk: tekst kak tseloe i komponenty teksta* [Russian: text as a whole and components of text]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 382–391.
19. Lappo, M.A. (2016) The structure of the pragmatic macro-component of meaning (based on the material of a group of words denoting nationality). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 6 (43). pp. 186–200. (In Russian).

20. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) Database of pragmatically marked vocabulary of the Russian language: material, principles of description, possibilities of use. *Science for Education Today*. 6 (34). pp. 70–85. (In Russian).

21. Gak, V.G. (1977) O nekotorykh zakonomernostyakh razvitiya leksikografii (uchebnaya i obshchaya leksikografiya v istoricheskom aspekte) [On some laws of development of lexicography (educational and general lexicography in historical aspect)]. In: *Aktual'nye problemy uchebnoy leksikografii* [Topical issues of educational lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk. pp. 11–27. (In Russian).

22. Blinova, O.I. (2012) Theory → dictionary → theory → dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1. pp. 6–26. (In Russian).

23. Golev, N.D. (2021) Lexicographizing as a Method of Describing Vocabulary: Revisiting the Theoretical Legacy of Olga Blinova. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 21. pp. 5–32. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/21/1

24. Karaulov, N.Yu. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI.

25. Prokof'eva, N.A. & Shcheglova, E.A. (eds) (2024) Sanktsii [Sanctions]. In: *Mediaslovar' klyuchevykh slov tekushchego momenta* [Media dictionary of current key words]. [Online] Available from: <https://dataslov.ru/word/sankczii/> (Accessed: 30.01.2024).

Сведения об авторах:

Щеглова Екатерина Александровна – доцент, канд. филол. наук, доцент кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: e.scheglova@spbu.ru

Прокофьева Наталья Анатольевна – доцент, канд. филол. наук, доцент кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: n.prokofieva@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ekaterina A. Shcheglova, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.scheglova@spbu.ru

Natalia A. Prokofeva, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.prokofieva@spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024;
одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 31.01.2024;
approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 27.08.2024.